

нейно-геометрического орнамента белорусские пояса до настоящего времени пользуются широкой известностью. На выставке представлены пояса тканые, плетеные на дощечках, на бердышке, вязаные. К замечательным памятникам белорусского искусства XVIII в. относятся «случские пояса» (г. Слуцк был главным центром их изготовления), затканые серебряными и золотыми нитями по шелку, с цветочным орнаментом. Центральное место среди изделий из дерева занимают работы мастера-самоучки А. И. Шахновича. Его работы, выставленные в зале, стоят на высоком художественном уровне и сделаны с большим вкусом. Здесь показаны: инкрустированные из 15 древесных пород герб БССР, текст Гимна Советского Союза, вырезанный на дереве, резная сцена из эпохи Великой отечественной войны и скульптурная группа. На других щитах расположены бытовые предметы: деревянная посуда, резные ковши самой разнообразной формы, тарелки, миски, ложки, дежа для теста и др. Интересны образцы плетения из соломы, древесных корней и бересты. Здесь выставлены корзиночки для ягод, сплетенные из еловых корней, «шэян» для проса, плетеный из соломы «сецішкі» для сеяния семян, котомки из бересты, табакерки и т. д. Керамическое искусство представлено крайне скудно черной бытовой посудой из Погост-Загородска, гродненской керамикой и фигурными поливными изделиями Борисовской гончарной артели. Раздел народного творчества заканчивается темой: «народные музыкальные инструменты». Здесь выставлены разнообразные пастушьи трубы, дудки, волынки, лиры и бубен. Во втором зале также имеются фотографии, которые дополняют экспозицию вещей. Материал выставки размещен на простых полированных щитах, открытых стендах и в витринах. Простота оформления и хороший фон оставляют благоприятное впечатление. Однако отсутствие шкафов, настенных витрин, стеклянных коллапов ставит под угрозу сохранность ценных экспонатов. Что же касается материала, то вновь открытая выставка все же не отражает пока всего многообразия и богатства белорусского народного искусства. Ряд тем совершенно выпал при показе, другие показаны крайне слабо и нуждаются в дополнении. Поэтому, приветствуя вновь открытую временную экспозицию, следует пожелать, чтобы Музей народов СССР не прекращал начатую им научно-исследовательскую полевую собирательскую работу по Белоруссии и на базе уже открытой выставки развернул в ближайшие годы Белорусский отдел со всесторонним показом белорусской национальной культуры.

В. Белицер

БЕЛОРУССКАЯ СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ ЗА 30 ЛЕТ

I

Этнографическое изучение белорусского народа имеет почти полуторазековую историю. Однако до образования БССР белорусской этнографической науки в настоящем смысле этого слова не было. Дореволюционная этнография Белоруссии ограничивалась собиранием и публикацией сырых материалов. Если не считать такие местные организации, как Минский церковно-археологический комитет, Минское общество истории и археологии и Северо-западный отдел РГО (1867—1876, 1910—1914), в работах которых частично затрагивались вопросы этнографии, то до революции в Белоруссии не было ни одного научно-исследовательского учреждения. Немногими научными работами исследовательского характера в области этнографии белоруссов в дореволюционной литературе являются: I том трехтомного труда акад. Е. Ф. Карского «Белоруссы» (Введение в изучение языка и народной словесности, 1904), где впервые освещается проблема этногенеза белоруссов, и I часть III тома, в которой дан систематический обзор белорусского фольклора; исследование о культурно-религиозных пережитках в белорусской свадебной обрядности («Этнографическое обозрение», 1893) и некоторые другие работы, главным образом фольклористического характера, проф. М. В. Довнар-Запольского; отдельные статьи представителей местной интеллигенции, например, А. Богдановича — «Пережитки древнего мирозерцания у белоруссов» (Научное обозрение», 1894) и некоторые другие.

В своей подавляющей части дореволюционная белорусская этнография была чисто описательной. В этом отношении накоплен весьма значительный материал, отражающий разные стороны быта и творчества белорусского народа. Наиболее оживленное собирание этнографических материалов Белоруссии замечается в 70—90-х гг. XIX и в начале XX в.

Под воздействием лучших достижений русской передовой этнографии и фольклористики второй половины XIX в. развивается деятельность ряда крупных белорусских этнографов-собрателей, вышедших из среды местной интеллигенции. Наиболее ценные работы, составляющие десятки томов, оставили нам в наследство И. И. Носович, П. В. Шейн, Е. Р. Романов, В. Н. Добровольский, Н. Я. Никифоровский, А. К. Сержпутовский, М. Федеровский, З. Радченко и другие. Но материал, собранный преимущественно любителями-энтузиастами, не имевшими специальной подготовки, в значительной своей части не отвечал научным требованиям (описания недостаточно полны, отрывочны, не связаны с комплексом этнографических явлений, часто отсутствует необходимая документация и т. д.). Внимание этнографов-собрателей привлекали главным образом памятники устного народного творчества или вообще вопросы идеологии

(верования, обряды, приметы). За исключением отдельных работ Сержпутовского (о земледельческой технике), А. Харузина (о жилище), Довнар-Запольского (об обычном праве, ремеслах), кратких описаний Шейна, Никифоровского, Сербова (жилища, одежды, лица), факты материальной культуры и социального быта почти не нашли своего отражения в работах дореволюционных белорусских этнографов.

II

После Великой Октябрьской социалистической революции и создания белорусской советской государственности белорусская этнография вступила в новый период своего развития. Этнографическая работа в Белоруссии приобретает большой размах. Этнографическое изучение населения Белоруссии возобновляется на совершенно иной основе. Оно получает вскоре и устойчивую научную, массовую и материальную базу, свою руководящую организацию (1922) — Институт белорусской культуры (Инбелкульт). Вопросами этнографии в составе Инбелкульта занимался ряд комиссий: фольклорно-диалектологическая, народной музыки, истории искусств, домашних ремесел и др. Лишь в 1925 г. была создана специальная Секция этнографии, преобразованная в 1927 г. в Кафедру этнографии. Это был первый шаг к ликвидации распыленности этнографической работы и созданию единого центра.

Этнографическая деятельность оживляется и на местах. Так, в 1922 г. создается Этнографическая комиссия при Этнографическом кабинете Витебского археологического института, издававшая свой журнал «Белорусский этнограф» (вышло два номера); в Полоцке создается Историко-этнографическое общество. Научные этнографические ячейки возникают при местных историко-краеведческих музеях — Минском, Витебском, Могилевском, Слуцком, Бобруйском. Большую роль в деле оживления собирательской работы на местах сыграло организованное при Инбелкульте Центральное бюро краеведения (ЦБК), издававшее с 1925 г. свой ежемесячный орган «Наш край», переименованный в 1931 г. в «Советская Країна».

Образование в начале 1929 г. Академии Наук БССР знаменует собой новый этап в развитии белорусской советской этнографии. Оно явилось началом действительной научно-исследовательской работы в области этнографии и фольклора белорусов. В 1931 г. в составе Академии Наук БССР были созданы самостоятельные институты, а в составе последних — секции. С этого времени вся этнографическая работа концентрируется в Секции этнографии Института истории. В 1935 г. из состава Секции выделялась самостоятельная фольклорная комиссия, под председательством народного поэта БССР Якуба Коласа, учрежденная при Президиуме АН БССР. Однако уже в 1937 г. с целью преодоления распыленности кадров и по соображениям методологического характера работа в области этнографии и фольклора объединяется в единой Секции этнографии и фольклора Института истории, являющейся и по настоящее время центральным научным этнографическим учреждением республики.

Изменение структуры Академии в 1931 г., создание единого научного центра, последовавшее после устранения буржуазно-националистических элементов, на протяжении ряда лет подвизавшихся в области этнографии, явилось решающим, переломным моментом в развертывании этнографической работы в Белоруссии. Одновременно было обновлено руководство. Во главе Секции этнографии стал видный советский ученый, действительный член АН БССР Н. М. Никольский.

Нацдемы (так называемые «национал-демократы») пытались свернуть белорусскую этнографию и фольклористику с правильного пути. Буржуазно-националистическими «этнографами» была создана антинаучная, так называемая «волото-кривская» теория происхождения белорусского народа (Ластовский, Касперович, Мелешко и др.). Согласно этой «теории», белорусы отнюдь не восточные славяне, а начало свое ведут от легендарных волотов или асилков, связываемых с велетами Птолемея и отвергнутым наукой предположением Шафарика о велетах или лютичах, как древнейших насельниках Белоруссии. Нацдемы проповедывали исключительность белорусов среди других славянских народов, их особый, «самобытный» исторический путь и характер культуры. Политический смысл этой «теории» состоял в стремлении буржуазных националистов оторвать белорусский народ от родственных ему великого русского и украинского народов. Эта «теория» легла в основу и всей практической деятельности нацдемов в области этнографии. Все их устремления были направлены не к изучению общности культуры восточнославянских народов и выявлению на этой основе национально-бытовых особенностей белорусского народа, а в сторону отыскания исключительно «самобытных» черт культуры белорусов. Не останавливаясь перед грубой фальсификацией этнографических фактов, низкопоклонствуя перед буржуазной культурой Запада, нацдемы находили большую «близость» между белорусами и «европейцами» (не только поляками, чехами, но даже... французами, итальянцами), чем между белорусами и русскими и украинцами. Не удивительно, что от подобных «научных» рассуждений прямой путь вел и привел нацдемов к фашизму (например, немецко-белорусского фашиста Янку Станкевича).

Перестройка этнографической работы в Белоруссии, начавшаяся в 1931 г., протекала в условиях острой идеологической борьбы против установок нацдемов и других буржуазных влияний в области этнографии. Очистившись от этой тлетворной пле-

сении, белорусские этнографы положили в основу своей работы марксистско-ленинскую методологию, а направление и тематика работы были подчинены задачам социалистического строительства и культурной революции, задачам исследования основных проблем истории Белоруссии. Перестройка этнографической работы в новом направлении стала давать положительные результаты. Кроме собирательской работы, значительно оживилась научная разработка этнографического материала, издательская и научно-популяризаторская деятельность Секции.

III

Каковы же важнейшие результаты этнографической работы в Белоруссии за годы советской власти?

Собирание материалов проводилось главным образом научными экспедициями, а также через краеведческие организации и с помощью индивидуальных корреспондентов-собрателей на местах. Широко использовались также студенты белорусских вузов, прослушавшие курсы этнографии и фольклора. Но в собирании материалов до 1931 г. в значительной мере продолжалась линия дореволюционной этнографии, еще сохранялись традиции нацдемовских этнографов. Главный интерес их лежал в области религиозно-обрядового фольклора и народных верований, которые считались ими едва ли не основными элементами белорусской национальной культуры. Остальные этнографические явления почти оставались вне поля зрения собирателя. Нацдемы сознательно игнорировали все изменения, происшедшие в народном быту под воздействием революции, обходили все виды современного народного творчества, отразившие рождение нового строя в жизни и сознании народа, избегали всего того, что говорит об общности культуры белорусского, русского и украинского народов.

Коренной перелом в этнографической работе, наметившийся с 1931 г., коснулся прежде всего собирательского дела. Этнографические экспедиции приняли плановый характер, круг тем полевых исследований был расширен, — в планах работ экспедиций все большее место стали занимать вопросы изучения хозяйственного быта, материальной культуры, художественных ремесел в их историческом развитии. В области фольклора особое внимание было уделено собиранию устнопозитических произведений советской эпохи. В ряде случаев производилось комплексное обследование районов БССР, в котором помимо этнографов и фольклористов принимали участие археологи, антропологи, диалектологи, экономисты. Из таких комплексных экспедиций особо следует упомянуть Лепельско-Березинскую (1931) и Полесскую (1932). Богатый материал дали Оршанско-Сенненская фольклорно-этнографическая экспедиция 1934 г., экспедиция в Гомельскую область 1935 г., Витебская и Червеньская экспедиции 1936 г., Бобруйская 1938 г., Пинская и Барановичская экспедиции 1940 г. и др. Улучшались методы собирания материала, а вместе с этим и его качество. В полевой работе стали применяться фото- и киноаппаратура, фонографы, зарисовки и т. п.

В итоге в Академии Наук БССР были накоплены большие научные фонды, послужившие базой для развертывания научно-исследовательской, научно-популяризаторской и издательской деятельности. Созданный при Секции этнографии Института истории научный рукописный архив насчитывал до войны свыше 70 000 единиц этнографических описаний и фольклорных текстов. Среди этих материалов были неопубликованные собрания старейших белорусских этнографов Е. Р. Романова (четыре тома «Белорусского сборника»), А. К. Сержпутовского, М. В. Довнар-Запольского, И. А. Сербова, Н. Н. Чуркина и др. При Секции был создан первый в Белоруссии фонограммоархив. За несколько предвоенных лет было записано на фоновалики около двух тысяч белорусских песенных напевов, народных танцев и образцов народной инструментальной музыки, до того никогда еще не фиксированной. Секция имела свою фототеку, насчитывавшую до 10 000 снимков, и большую коллекцию фотонегативов. Для проектировавшегося при Секции этнографического музея была собрана вещевая коллекция из двух тысяч предметов, главным образом национальной одежды, ткачества, керамики, орудий производства.

Значительные этнографические коллекции были собраны белорусскими музеями, особенно Минским государственным историческим музеем, имевшим специальный этнографический отдел, музеями Витебска, Могилева, Слуцка, Бобруйска. Этнографические отделы были и в музеях западных областей — в Гродно, Слониме, Пинске (существует и сейчас). Белорусская государственная картинная галерея в Минске, организованная в 1940 г., имела специальный отдел народного искусства. Этнографические коллекции белорусских музеев, главным образом по народному искусству, неоднократно демонстрировались на выставках (на Всероссийской сельскохозяйственной выставке 1923 г. в Москве и др.). Хорошо было показано белорусское народное изобразительное искусство на специальной выставке, приуроченной к декаде белорусского искусства в Москве в 1940 г. В области народного искусства большая собирательская работа проводилась также домами народного творчества, а в области фольклора — местными вузами, особенно Могилевским пединститутом, учительскими институтами в Рогачеве, Речице, Орше и других городах.

В 1936 г. фольклорная комиссия АН БССР провела первый в Союзе опыт орга-

низации конкурса на лучшего собирателя фольклора. Целью этого конкурса было привлечение большего числа собирателей из среды местных работников и молодежи и усиление записи советского фольклора. Конкурс дал хорошие результаты: было получено около 15 тысяч фольклорных текстов. Такое же количество записей дал второй конкурс, проведенный в 1937 г. В числе записей, поступивших на конкурс 1937 г., было около 2 тысяч дореволюционных песен, около 200 песен современных, до 850 старых и 25 советских сказок, 2 тысячи пословиц и поговорок, огромное количество советских частушек, загадок, устных сказов и т. д. Во втором конкурсе участвовало 500 чел., пополнивших кадры постоянных корреспондентов-собираателей Секции.

IV

Деятельность белорусских этнографов и фольклористов проявилась и в выпуске ряда сборников, исследований и большого количества статей, хотя научная обработка материалов еще значительно отставала от их притока. Печатная продукция Инбелкульта по вопросам этнографии не приобрела сколько-нибудь значительных размеров. Были изданы четыре выпуска серии «Беларуская этнаграфія ў доследах і матэрыялах». Наиболее ценным из них является выпуск, посвященный библиографии белорусской этнографии¹, хотя далеко не полной и страдающей многими неточностями. Библиографическая работа продолжалась в последующие годы Секцией. К 1939 г. была подготовлена к печати библиография белорусской этнографии за 1917—1937 гг., насчитывавшая до трех тысяч названий. Однако эта рукопись погибла во время войны.

В области материальной культуры работа начата серьезно только в советское время; результаты ее еще невелики. Научная обработка богато собранного материала (описательного, иллюстративного, вещевого) проводилась совершенно недостаточно вследствие малочисленности специалистов-этнографов. Объектами изучения были главным образом земледелие, народное жилище и строительная техника, одежда, промыслы и домашние ремесла. Среди законченных работ по этим вопросам имеются: монография И. А. Сербова о материальной культуре вицнских полян (населения района с. Вичин Лунинецкого района, Пинской обл.), особенно ценная своими материалами по постройкам и земледельческому быту²; монография М. Я. Гринблата «Рыбацкий промысел в Белоруссии» (25 п. л., рукопись); работа И. А. Сербова о труде и быте белорусских лесорубов и плотогонов (15 п. л., рукопись); его же монография о белорусской национальной одежде (ч. 1, женская одежда и головные уборы, 20 п. л., рукопись), работа Лебедевой о жилище и др. Белорусской одежде посвящено также несколько статей исследовательского характера этнографа А. К. Сулинского (в журн. «Советская этнография» и в рукописи), написанных на материалах экспедиций. Типам ткацкого стана («красны») и технике домашнего ткачества посвящена насыщенная фактическим материалом работа Р. Рака (1930).

Вопросы социального быта белоруссов до сих пор еще не заняли надлежащего им места в научных изысканиях белорусских советских этнографов. Единственная крупная работа, рассматривавшая пережитки общинного быта в дореволюционной белорусской деревне, написанная И. А. Сербовым, не увидела света: рукопись погибла во время немецко-фашистской оккупации Минска. Вопрос об артели как традиционной форме коллективной организации труда у восточных славян лишь частично рассматривался в работе о рыбацком промысле и в работе о лесорубах и плотогонах. Материал об общественной трудовой взаимопомощи — «толоке» — у белоруссов широко использован в работе Н. Тихоницкой «Сельскохозяйственная толока у русских»³. Был собран большой материал по семейно-обычному праву, но не подвергся научной обработке.

Изучение вопросов, связанных с общественным бытом белоруссов в прошлом, особенно пережитков родового строя и земельно-общинной организации, должно быть одной из важных задач белорусской этнографии. От правильного, марксистско-ленинского освещения этих вопросов во многом зависит решение ряда основных проблем ранних периодов истории Белоруссии и проблемы этногенеза белорусов.

Гораздо больших результатов, и по объему, и по теоретическому уровню работ, достигли белорусские этнографы в изучении народной идеологии, устного поэтического творчества белорусского народа и его изобразительного искусства. Публикация новых записей белорусского фольклора началась еще в период Инбелкульта. К печатной продукции последнего принадлежат две книги фольклора Витебщины⁴, новый сборник белорусских сказок одного из старейших собирателей А. К. Сержпутовского⁵, сборник песен с напевами из быв. Мстиславльского у. Могилевской губ.⁶. Опи-

¹ Матэрыялы да беларускае бібліяграфіі. Этнаграфія, Мінск, 1927.

² С е р б о в а І. Віцнскія палыне. Этнаграфічны нарыс Беларускага Палесся, ч. 1. Матэрыяльная культура. — Зборнік артыкулаў, Мінск, Выд. ІБК, 1928. И отдельно — Мінск, 1928, 52 с. + 37 фото + 1 карта + 1 таблица планов крестьянских дворов.

³ «Советская этнография», 1934, № 4.

⁴ Матэрыялы да вывучэння фальклору і мовы Віцебшчыны, Мінск, ІБК, 1927.

⁵ Казкі і аповяданні беларусаў з Случкага павету. ІБК, Ленінград, 1926 (первое собрание сказок Сержпутовского опубликовано в 1911 г.).

⁶ Беларускія песні. Мінск, ІБК, 1928.

сания народных верований, обрядов и обычаев в большом количестве разбросаны в отдельных статьях. В издании Академии появился уже сборник материалов, собранных в дореволюционную пору А. К. Сержпутовским, характеризующих религиозный быт и воззрения белоруссов Полесья⁷. После перестройки этнографической работы в 1931 г. начинается и серьезное исследование собранных материалов. Появляются две монографии Н. М. Никольского, одна из которых исследует мифологию и обряды, связанные со специфическими для белорусского фольклора «валачобными» песнями⁸, другая посвящена изучению пережитков культа животных и тотемизма в белорусских народных верованиях⁹. Обе эти работы являются первой попыткой применить марксистский метод к исследованию этнографических явлений в Белоруссии.

С 30-х гг. развертывается интенсивное собирание советского фольклора. Попытки подобного рода делались и раньше. Так, белорусский писатель и этнограф З. Бядуля уже в 1923 и в последующие годы выступал в печати с призывом записывать народное творчество, отражающее современность¹⁰. Однако буржуазные националисты, орудовавшие в то время на фольклористическом фронте, всячески тормозили это дело. В 1931 г. была опубликована первая программа по собиранию белорусского советского фольклора. С 1934 г. изучение советского фольклора начинает занимать все большее место в работах экспедиций Академии. Большой приток новых записей дали конкурсы на лучшего собирателя 1936—1937 гг. Систематизация собранного материала, проведенная Секцией, позволила приступить к публикации образцов советского фольклора. В 1937 г. было выпущено два тематических сборника: книга о Ленине и Сталине¹¹ и небольшой сборник фольклорных произведений о Ворошилове¹². В 1928 г. выходят еще два фольклорных сборника — о дореволюционной и советской Белоруссии¹³ и сборник об обрядовом фольклоре¹⁴. В 1940 г. — большой сборник, посвященный образу женщины в белорусском фольклоре¹⁵.

Перед войной Секция приступила к изданию первого академического свода песен белорусского народа с напевами. Было подготовлено три тома, состоящих из 800 песенных текстов с нотами, систематизированных по историко-тематическому принципу. Впервые проведенная четкая классификация белорусского песенного фольклора, точность записи (значительная часть их представляла расшифровку фонограмм, наиболее верно передающих живое звучание народного исполнения) и широкий научный комментарий поставили этот свод в ряд лучших научных изданий музыкального фольклора. Однако успел выйти в свет только первый том (208 песен помимо вариантов)¹⁶. Второй том, находившийся в производстве, и рукопись третьего тома погибли во время немецкой оккупации.

В предвоенные годы значительные размеры приобрела исследовательская работа в области советского и дореволюционного белорусского фольклора. Разрабатывался ряд актуальных тем — отражение классовых борьбы в фольклоре (Н. М. Никольский), фольклор гражданской войны (М. Я. Гринблат), Янка Купала и фольклор (Э. В. Голубок) и др.

В деятельности Секции этнографии и фольклора видное место занимали прежде мало изучавшиеся вопросы белорусского народного искусства (особенно изобразительного, а также музыкального, хореографического). На основе собранного на протяжении ряда лет большого фактического материала был составлен первый общий очерк белорусского народного изобразительного искусства¹⁷ и два тома красочного альбома «Беларускае народнае мастацтва», показывающего наиболее характерные образцы, систематизированные по основным разделам (художественное ткачество — однотонное и цветное, тканый и шитый орнамент, пояса, вязание, набойка, художественная обработка дерева — резба, инкрустация, скульптура, архитектурное оформление жилья; плетение из соломы, лозы и коры; керамика, роспись и т. д.). Первый том, начатый

⁷ Прымкі і забабоны беларусаў-паляшукі. Мінск. 1930. Под ред. действительного члена АН БССР С. Я. Вольфсона.

⁸ Мифалогія і абрадаваць беларускіх валачобных песень, Мінск, 1931.

⁹ Жывёлы ў звычаях, абрадах і вераннях беларускага сялянства. Мінск. 1933.

¹⁰ Запісвайце частушкі! Газ. «Сов. Беларусь», Мінск, 1923, № 19; Народная творчасць і новы быт. Журн. «Маладняк», Мінск, 1924, № 2—3.

¹¹ Ленін і Сталін ў беларускай народнай творчасці. Мінск, 1937.

¹² Клім Варашылаў ў беларускай народнай творчасці. Пад рэд. Я. Коласа, Мінск, 1937.

¹³ Советская и дореволюционная Беларусь у народнай творчасці. Пад рэд. Я. Коласа і Н. М. Нікольскага, Мінск, 1938.

¹⁴ Чырвоная Армія і абарона Радзімы у беларускай народнай творчасці. Пад рэд. Я. Коласа і Н. М. Нікольскага, Мінск, 1938.

¹⁵ Жанчына ў беларускай народнай творчасці. Пад рэд. Н. М. Нікольскага і М. Я. Грынבלата, Мінск, 1940.

¹⁶ Песні беларускага народа, т. I. Пад агульнай рэдакцыяй Н. М. Нікольскага і М. Я. Грынבלата. Музыкальная рэдакцыя Е. В. Гіпіус і З. В. Эвальд, Мінск, Выд. АН БССР, VIII, 1940, 391 с.

¹⁷ М. Гринблат, Народное искусство, Сб. «Изобразительное искусство Белоруссии», Москва, 1940.

печатанием до войны и сохраненный работниками ленинградской типографии им. Ивана Федорова, в ближайшее время выйдет в свет.

Впервые было начато изучение белорусских народных танцев и народной инструментальной музыки. Собранный и систематизированный материал составил основное содержание III тома «Песен белорусского народа».

В годы советской власти белорусская этнография и белорусский фольклор впервые вошли в качестве специальных курсов в стены университета и педагогических институтов.

V

Разбойничье нападение гитлеровской Германии на советскую страну временно прервало осуществление начатых работ белорусских этнографов. В эвакуации, вдали от родины, умер старейший белорусский этнограф И. А. Сербов; без вести пропал неутомимый работник в области белорусского фольклора Э. В. Голубок; смертью храбрых, защищая Родину, погиб молодой белорусский фольклорист А. К. Калечин; во время блокады Ленинграда погибла известный музыкант-этнограф Э. В. Эвальд, много сделавшая в деле собирания и изучения белорусской музыкально-песенной культуры; замучен немцами знаток фольклора белорусских евреев Л. С. Душман.

Немецко-фашистские захватчики беспощадно уничтожали культурные ценности белорусского народа. Они разграбили и сожгли здания Академии Наук БССР. Немцы или уничтожили, или вывезли в Германию все научные фонды, заботливо собиравшиеся на протяжении многих лет упорным трудом белорусских этнографов: ценнейший рукописный архив, фонограммоархив вместе со звукозаписывающей аппаратурой, материалы экспедиций почти за 20 лет, вещевые этнографические коллекции, фототеку, рукописи и сданные в печать работы.

Достаточно перечислить только работы, находившиеся к началу войны в производстве или готовые к сдаче в печать, чтобы судить о потерях, понесенных белорусской этнографией и фольклористикой в результате нападения гитлеровских банд: сборник фольклора Западной Белоруссии периода 1920—1939 гг. (15 п. л.); «Песни беларускага народа», тт. II и III (около 60 п. л.); альбом белорусского народного искусства. т. II; монографии — «Белорусская национальная одежда», ч. I; «Рыбацкий промысел в Белоруссии»; «Фольклор гражданской войны»; «Янка Купала и фольклор»; сборник еврейского советского фольклора и другие работы.

Были уничтожены все этнографические собрания белорусских музеев. Урон, нанесенный немецко-фашистскими вандалами белорусской этнографии, огромный, он с трудом поддается учету.

Однако работа белорусских этнографов и фольклористов не прекращалась и в годы Великой отечественной войны. Доц. И. В. Гуторов, сражаясь в рядах брянских партизан, записал значительное количество образцов партизанского фольклора. И. В. Ефремов, пройдя с Советской Армией боевой путь от Москвы до Берлина, собрал богатый материал фронтового фольклора, составивший целый том. Написал работу М. Я. Гринблат об изображении немцев-захватчиков в фольклоре славянских народов¹⁸. Старейший ученый Белоруссии Н. М. Никольский, находясь в партизанском отряде, продолжал свои научные занятия, собирая материал для большого исследования о белорусской свадебной обрядности.

VI

После войны с новой силой возобновилась этнографическая и фольклористическая работа в Белоруссии. Первоочередной задачей стало восстановление и обогащение этнографических и фольклорных научных фондов. В 1945 и 1946 гг. проведены первые послевоенные фольклорно-этнографические экспедиции АН БССР в Минскую, Молодечненскую, Бобруйскую, Полесскую и Пинскую области. Материалы экспедиций положили основу вновь создаваемым этнографическим фондам.

В качестве одной из наиболее актуальных и срочных работ была признана работа по изучению фольклора Великой отечественной войны. В собирании материала активное участие принимает и ряд внеакадемических учреждений. Несколько фольклорных экспедиций с участием студентов и аспирантов БГУ под руководством Л. Г. Барага выезжали в разные районы Барановичской и Гродненской областей. Значительную собирательскую работу провел студенческий фольклорный кружок Минского пединститута, руководимый преподавателем фольклора М. С. Меерович. В собирание фольклора включились также кафедры литературы Гомельского и Могилевского пединститутов и учительских институтов Барановичей, Бреста и Пинска. Сектор этнографии и фольклора АН БССР предпринял многоотомное издание «Материалы по фольклору Великой отечественной войны, записанные в Белоруссии». Первый том (25 п. л.) сдан в печать. В печати находятся: второе расширенное издание книги «Ленін і Сталін у беларускай народнай творчасці», составленной М. Я. Гринблатом, два тома музыкально-фольклорных записей Г. Р. Ширмы, сборник белорусских песен и танцев в записях Н. Н. Чуркина, сборник двухголосных белорусских песен, записанных

¹⁸ Славянскія народы аб немцах-захопніках, Весті АН БССР, Адазяленне грамадскіх навук, Серыя гістарычная, № 1, Мінск, 1947.

Г. И. Цитовичем, I том научного собрания белорусских народных сказок, подготовленного Л. Г. Барагом. Восстановлен погибший во время войны и подготовлен к печати II том альбома белорусского народного искусства.

Возобновилась и исследовательская работа. Печатается большое исследование Н. М. Никольского «Происхождение и развитие белорусской свадебной обрядности» (15 п. л.). А. Д. Палеев работает над монографией «Художественная обработка дерева в Белоруссии». Г. И. Цитович заканчивает работу об особенностях белорусской народной музыкальной культуры. Статью о мелодике белорусских народных песен сдала в печать С. Г. Нисневич. Заканчивает большое исследование о белорусской народной сказке Л. Г. Барак. Молодой научный работник Л. Г. Алтшуллер закончила работу по истории Северо-западного отдела РГО и его роли в этнографическом изучении Белоруссии. М. С. Меерович готовит кандидатскую диссертацию «Песни партизан Белоруссии».

Новый пятилетний план 1946—1950 гг. предусматривает дальнейшее развитие белорусской этнографической науки. Роль белорусской этнографии в решении основных проблем истории Белоруссии, в работе по культурному строительству республики, в деле идеологического воспитания трудящихся в духе коммунизма — растет с каждым годом.

М. Я. Гринблат

ВОЗРОЖДЕНИЕ РУССКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ХОРА СЕЛА ДОРОЖЕВО

В октябре-ноябре 1947 г. я был командирован Комитетом по делам искусств при Совете Министров РСФСР в гор. Брянск для оказания творческой и организационной помощи в проведении областного смотра сельской художественной самодеятельности. Заинтересованный выступлениями Дорожевского этнографического хора, я после окончания смотра выехал в село Дорожево, где непосредственно ознакомился с жизнью коллектива и историей его восстановления.

Выступления в 1940 г. в Москве русского этнографического хора села Дорожево Брянской области вызвали большой интерес у советских фольклористов, и не случайно через 6 лет в журнале «Советская этнография» была помещена статья о хоре и его представлении «Кострома»¹. Какова же судьба этих талантливых народных артистов?

Известно, что Брянская область подверглась оккупации, а село Дорожево дотла было сожжено немцами. Население же его, частично эвакуированное на Волгу, и те, кто своевременно не успели выехать, и те, кто сражался в партизанских отрядах и в регулярной армии, — все, кто после освобождения возвратились домой, застали на месте цветущего некогда села пепелище. Нужно было заново строить дома, обзаводиться хозяйством, словом, начинать жизнь сначала. Казалось бы, не скоро зазвучат снова песни, не до того, чтобы восстанавливать и налаживать спектакли. Однако жизнеспособность дорожевцев оказалась огромной, а органическую потребность творческой деятельности не заглушили никакие невзгоды. Показательно, что ни один костюм (а костюмы эти, как известно, представляют собой художественную и этнографическую ценность) не был утерян: их хранили в эвакуации, волокли в узлах по лесу, когда скрывались от немецких карателей, и даже зарывали в землю. Ни на момент не пропадала вера в то, что возвратятся светлые дни и костюмы тогда понадобятся.

За восстановление села взялись дружно, всем колхозом. Трудно сейчас поверить, что так недавно на месте этих новых, пахнувших еще свежей древесиной домов были землянки и сиротливо торчали закоптелые трубы. И даже в самый разгар строительных работ мысль о возрождении хора не покидала его старых участников, а их осталось девять человек из тринадцати. Тут и исполнительница роли Костромы Марья Ильинична Васюкова, и Евдокия Федоровна Симонова, и 67-летняя Александра Федоровна Желтова, и Дмитрий Иванович Сбродов и др. Вокруг «стариков» стали группироваться новые люди. В настоящее время хор насчитывает 25 колхозников, в нем принимают участие и бывшие партизаны, и комсомольцы.

Проведение Всероссийского смотра сельской художественной самодеятельности и в связи с этим приезд в село и беседы с участниками хора работников Брянского областного Дома народного творчества стимулировали начало регулярных репетиций. В результате восстановлено представление «Кострома», подготовлено новое — «Свадьба», дающее богатейший материал для изучения русского народного театра и старины Брянской области. Кроме старинных русских народных песен, в репертуаре дорожевцев появилось немало частушек на современные колхозные и партизанские темы. Замышляется целое народное представление на тему о восстановлении Дорожева. Огромным успехом пользовался дорожевский этнографический хор на областном смотре сельской художественной самодеятельности, который прошел в Брянске в ноябре 1947 г.

Восстановление и плодотворная работа этого коллектива свидетельствуют о неумирающей жизненной силе русского народного театра и далеко еще не исчерпаны его возможности.

А. Гуз

¹ Л. В. Кулаковский, «Кострома» (брянский хороводный спектакль), «Сов. этнография», 1946, № 1.